Под сенью примуса

Шум вокруг будущего памятника Булгакову на Патриарших прудах

Новые известия. – 2003 – 14 янв. – с. 6.

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН

На одной из этих скамеек скоро будет сидеть автор «Мастера и Маргариты».

Дмитрий СМОЛЕВ, для «Новых Известий»

Интересные градоустроительные истории случаются в Москве сплошь и рядом. Теперь вот и на Патриках. Под занавес ушедшего года слухи об увековечении образа Михаила Булгакова вкупе с коллективом персонажей «Мастера и Маргариты» наконец заместились официальной версией. Картина из недалекого будущего рисуется такой: на бронзовой лавочке, спиной к Малой Бронной, сидит великий непролетарский писатель, от него понад гладью пруда удаляется Иешуа Га-Ноцри, чуть сбоку возвышается 12-метровый фонтан в виде примуса. Из гигантской керосинки вместе со струями воды вылетают шесть всадников, то бишь Воланд со свитой. Заглянув в примус снизу, можно обнаружить на его стенах барельефные сцены из романа. Есть еще мелкие подробности, но суть монументального замысла ясна. Вернее, не ясна абсолютно, но это уж у кого какие способности к восприятию изящного.

Композиция не соткется из воздуха, а будет поэтапно возводиться из долговечных материалов по проекту скульптора Александра Рукавишникова и двух его соавторов, архитекторов Александра Кузьмина и Сергея Шарова. В том, что «молчаливая галлюцинация» займет предписанное ей место, сомнений оставаться вроде бы не должно. Только со сроками какая-то чехарда. То планировали открыть монумент в 2002-м, то в мае 2003 года («к юбилею М. Булгакова», как дружно, вслед за неназванным представителем городской администрации, протрубили информагентства, забывши взглянуть на годы жизни писателя). Теперь ввод сооружения в эксплуатацию приурочен к ближайшему Дню города. Так или иначе, нынешнее поколение москвичей будет жить с примусом.

Единственная инстанция, воспротивившаяся установке памятника, а именно комиссия по монументальному искусству при Мосгордуме, в очередной раз была посрамлена игнорированием ее мнения. Благодаря юридическим пассам рекомендательный характер решений комиссии с недавних пор сделался чуть более веским, но в силу какой-то другой казуистики вердикт по Патриаршим все равно остался втуне. Пусть вообще скажут спасибо, что до сих пор не разогнали. Мэр столицы не однажды намекал на практическую бесполезность и моральную вредоносность этого органа, то и дело сующего палки в колеса. И ведь прижмут еще критиканов, дайте срок... Как тут не вспомнить коровьевский пассаж: «Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зыбко и условно».

А вот с другой помехой совладать одной левой не получилось. Окрестные жители, Воланд бы их побрал, никак не поддаются гипнозу. «Зрительская масса» не просто требует объяснения, а рьяно протестует. Временами случаются контратаки, и тогда из уст какого-нибудь творца или чиновника нет-нет да и вылетит осторожный упрек населению в косности и невежестве. Дескать, не мешайте, товарищи, придавать Москве облик по-настоящему культурного города. Отойдите, если не разбираетесь.

Никто из недовольных, между тем, не аргументирует свою позицию пошлыми высказываниями вроде: «Понаедут всякие из Киева, понапишут романов, а нам тут проходу нет от памятников». Окрестности Патриарших населяют люди в большинстве своем культурно подкованные, зачастую же и сами откуда только не «понаехавшие»: на жилье в этом престижном районе всегда повышенный спрос. Романов они, может, и не сочиняют, но осмыслить содержание петиции перед тем, как поставить под ней автограф, наверняка в состоянии. Недавнее обращение к мэру с требованием остановить возведение монумента собрало около тысячи подписей. (Заметим, что выражали свое отношение к вопросу лишь обитатели нескольких кварталов. Пустили бы такой лист гулять по городу – получили бы другую статистику.)

Ну не хотят люди видеть у себя под окнами никакой трехчастной композиции! Булгакова любят, а монумент в его честь любить не желают. Кто по эстетическим причинам, кто по заповедно-охранительным, а кто и по религиозным: зачем, мол, нечистую силу в бронзе увековечивать? В прошлом году дело доходило до стихийных митингов и диверсионных вылазок, сопровождавшихся сносом временных ограждений и порчей строительного оборудования. Гарантий, что в будущем эта практика не возобновится, никто не даст. Как же быть? Да никак. Строить дальше, с попутными увещеваниями или даже без оных. Ведь прежде все намеченное реализовывать удавалось, несмотря на ропот общественности, почему вдруг теперь-то идти на попятный? Отдельные уступки и так уже сделаны: анонсированный ранее автопаркинг на 200 мест под прудом рыть отказались, зеркало водоема в площади уменьшать не станут и т.п. В остальном – извините.

Дать обратный ход не позволят, скорее всего, и экономические обстоятельства. Еще в августе прошлого года было объявлено о выделении правительством Москвы 18,5 млн. рублей на подготовительные работы по проекту, а месяц назад, в декабре, городская дума своим решением отправила той же колеей еще 91 млн. бюджетных денег. (К слову, Фонд Булгакова, выступивший инициатором замысла и фигурировавший некоторое время в качестве со-инвестора, давно сошел с дистанции по причине финансовой несостоятельности. Главное прокукарекать, а восход солнца уже вручную и за казенный счет...). Средства эти будут расходоваться по общей смете проекта, заказчик у всего комплекса работ тоже один – ГУП «Гормост», так что мухи от котлет, в смысле, спорная монументалка от озеленения, офонарения и прочего бесспорного благоустройства, отделиться могут только в чьем-нибудь воспаленном воображении. Не дети планированием занимались.

Хорошо бы, конечно, понять, отчего так втемяшились начальству и булгаковский недоюбилей, и примус этот окаянный, и заповедные Патрики. Распутывание транспортных узлов или массовый снос «хрущоб» – это объяснимо, это наболевшее, а тут-то что? Сначала объявили конкурс, выигранный Рукавишниковым, затем приняли соответствующее постановление, согласовали проект в инстанциях (про комиссию МГД здесь забудем), открыли финансирование – и теперь возводят. Все так, но звучит как «шел, поскользнулся, упал, очнулся – гипс». Надо-то это кому и зачем? Булгакову вряд ли: он и так многие годы сверхчитаемый автор, с посмертной славой у него все в порядке. И потом, когда Михаил Афанасьевич писал про Мастера, что тот заслужил покой, он ведь и себя как будто имел в виду... В конце концов существует институт мемориальных досок и скромных дворовых монументов. К сидящему Гоголю, например, специально в гости заходят, а на стоящего при бульваре и глаза поднять забывают. А ведь тогдашние власти тоже хотели помасштабнее, покрасивше...

Нужен ли булгаковский памятник местным жителям, отчасти выяснено, но при желании можно провести официальный опрос. Звучал еще как-то тезис про туристическую привлекательность столицы. В том роде, что к монументу можно будет привозить иностранных граждан, те потом поделятся восхищением с другими иностранными гражданами, другие – с третьими, а бюджет города тем временем начнет распухать от доходов. Что поделаешь, обожаем мы интуристов, хотя среди них, как известно, разные попадаются... Но как бы ни ценили заграничные визитеры всех мастей основателя «мистического реализма», аргумент этот надо признать схоластическим. Даже не хочется растолковывать, почему.

В расхожую версию про откат с отмыванием – и то не очень верится: деньги по московским меркам невеликие, а шума вокруг сюжета хоть отбавляй. Для казнокрадства удобнее наоборот. Можно еще заподозрить сентиментальность (непременную спутницу жестокости, между прочим): такой славный литератор, такое выдающееся произведение – как бы чудесно было напомнить каждому проходящему о достоинствах того и другого! Здесь возражение одно: зачем же уродовать место литературных событий интерпретациями? Не лучше ли сохранить среду по возможности? Если непременно хочется что-нибудь посвятить Булгакову и его бессмертному роману, проще использовать уже воздвигнутое. Поименовать, к примеру, церетелиевский скульптурный ансамбль у Александровского сада памятным знаком в честь украденной головы Берлиоза...

Но не в этом всем, как кажется, дело. Есть увесистое русское слово – раж, которое многое объясняет. Вам же, бестолковым, лучше сделать хотят, а вы сопротивляетесь – ну так получите благодеяние в виде принудительной кормежки. Потом когда-нибудь оцените, не сами, так ваши потомки. Градоустроительная воля начальства передается исполнителям. Конечно, те действуют не брутально, выражений типа «столичного мэра называть – созидатель, других слов не говорить» не используют, но все же в решительности им не откажешь.

Художники, даже неплохие, часто оказываются заложниками ситуации. Вспомнить произведения того же Александра Рукавишникова: Высоцкий на Ваганьковском кладбище, Достоевский у Ленинской библиотеки, Никулин на Цветном бульваре. Не бесспорно, но и не монструозно. (Что будет с заказом на восстановление памятника Александру Освободителю у Боровицких ворот Кремля, покажет время.) Однако в истории с Патриаршими скульптору отведена роль тарана: пусть со своей не замаранной доселе репутацией бросается на амбразуру, остальное – дело техники. В конце концов наготове новые монументальные сюжеты, и внимание эстетической оппозиции неизбежно переключится на них. Там будут другие композиционные решения и другие жильцы возьмутся подписывать гневные обращения, но схема действий останется той же. Никакого пятого измерения не потребуется, чтобы со временем превратить Москву в город миллиона изваяний, не встречавшийся ни в одной, самой жуткой антиутопии. Патриаршие – это так, очередная мелкая деталь грандиозного преобразования. Но все равно жалко.